

сторожиться ревнителей буквы в священном писании. Гораздо труднее было объяснить московским читателям 1679 г. необходимость и даже неизбежность некоторых отступлений от «разума» псалмов (их буквального смысла) при переводе из прозаической формы в стихотворную.

Полоцкому надо было объяснить изменения троякого рода, которые он вносил в текст своих стихотворных переложений: прибавления против текста Библии — «стихи приданные», пропуски — «речения отъяшася» и, наконец, изменения библейского текста: «Ниже да удивишася тому, читателю благочестивый, яко некая словеса целые стихи обрящещи приданные: сия бо суть во исполнение разума или стихов. А идеже некая речения отъяшася, та за нужду, яко не вместишася в стихи мерою: обаче в разуме никако скудости деют. Еще идеже изменение некое узриши, то непшут светашаго ради истолкования псалмов быти; толкование бо не теми словеса, яже суть в сущем бывает, но иными и удобниши, да сущаго неудобное откровенно будет. Напоследок, яже узриши не истолкованна, не удивися: ниже бо намерение мое zde бысть до чиста толковати, но точию стихотворно перевести я, с толиким изъяснением, елико вместится может».⁹

Не удивительно, что вокруг «Псалтыри рифмотворной», как назвал свой сборник Полоцкий, развернулась очень острая литературная борьба.¹⁰ Евфимий составил для патриарха Иоакима особую записку, специально направленную против Полоцкого и его переложений псалмов, в которой писал: «Хранити подобает, да никто псалмы мирскими красоглаголания словеса упещряет, ниже покуситися речения переменять, или всячески иное, место иного поставляти, но просто, яко написана суть, да четет и поет яко речеся».¹¹ Еще переложения псалмов Полоцкого не вышли в свет, а уже на них восстали «гаждатели», о которых он писал в стихотворении, помещенном вслед за псалмами:

Не мню токмо, но и вем, ибо ещи труди
Сии света не зреша, ни внидоша в люди,
А уже хулители завистнии слово
Лукавое имеша во устех готово.¹²

А после появления «Псалтыри рифмотворной» в печати сам патриарх Иоаким выступил против поэта в «Слове поучительном», в котором заявил, что «Псалтырь» Полоцкого «не яже чрез Давида богоотца духом святым вещанная, но или с полских книг, он, Симеон, собра, или готовую переведе, от Яна некоего Кохановского, латинянина суще, или Ополинария еретика сложенную».¹³

То главное обвинение, которое выдвинул патриарх Иоаким против «Псалтыри рифмотворной» Полоцкого («не ... духом святым вещанная»), означало, что он усмотрел в переложениях нечто привнесенное самим поэтом, какое-то новое осмысление общеизвестных текстов «Псалтыри», вольную их интерпретацию, неприемлемую для ревнителей строгой ортодоксии.

⁹ Там же, стр. 214.

¹⁰ П. Н. Берков. Предпосылки зарождения русской литературной критики. — В кн.: История русской критики, т. I. М.—Л., 1958, стр. 41—44.

¹¹ И. Татарский. Симеон Полоцкий, стр. 303.

¹² Н. Смирнов. Из литературной истории древнерусской образованности XVII столетия, стр. 382.

¹³ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865, стр. 137.